

РАСКОПКИ ЦИТАДЕЛИ

Раскопки 1951—1953 гг. ставили своей задачей дальнейшее исследование помещений цитадели, главным образом в ее центральной части. Они подтвердили предположение о том, что сохранившееся сооружение представляло собою первый этаж, соответствующий платформе-подиуму древневосточных монументальных построек. В него можно было проникнуть только со второго этажа. Разведочный раскоп, заложенный по всему периметру здания, входа в первый этаж не обнаружил. Вместе с тем, остается пока невыясненным и место лестницы или пандуса, которые вели на второй этаж. Как видно по плану раскопанной части цитадели, первый этаж состоял из отдельных отсеков, разделенных капитальными стенами, по толщине соответствующими внешним. В этих стенах имеется одна или две двери, связывающие отсеки друг с другом. Со второго этажа в первый спускались по пандусам, следы которых отчетливо были видны в помещении № 30 и в коридоре западной части южного центрального отсека. По сторонам этого коридора были расположены кладовые. Пандус спускался с северной стороны и соответственно его уклону двери в небольшие кладовые по сторонам коридора располагались на разном уровне.

Верхний этаж цитадели, находившийся только над двумя центральными отсеками здания, совершенно разрушен. Сохранились лишь отдельные участки стен и их развалины над перекрытиями нижнего этажа. Остатки цветных росписей стен, обнаруженные в завале кладовой № 25, следует отнести к парадным комнатам именно этого верхнего этажа.

Северная часть здания цитадели, повидимому, не имела второго этажа. На это указывает отсутствие остатков стен, а также и то обстоятельство, что непосредственно на рухнувших потолочных перекрытиях этой части цитадели были обнаружены целые костяки животных, погибших при пожаре во время штурма. В той части цитадели, где несомненно имелся второй этаж, такие костяки отсутствовали. Таким образом, получается впечатление будто урарты при постройке цитадели Тейшебаини обычную в древневосточной архитектуре платформу использовали для сооружения в ней хозяйственных помещений и кладовых (мастерская для изготовления кунжутного масла из трех комнат, шесть кладовых для вина, кладовые для зерна и др. хранилища). Эти помещения с толстыми стенами (2,1—3,5 м), сложенными из сырцового кирпича, являлись очень удобными кладовыми, сохранявшими в летнее время необходимую прохладу, а в зимнее время тепло. Раскопки еще не выяснили, где находились кла-

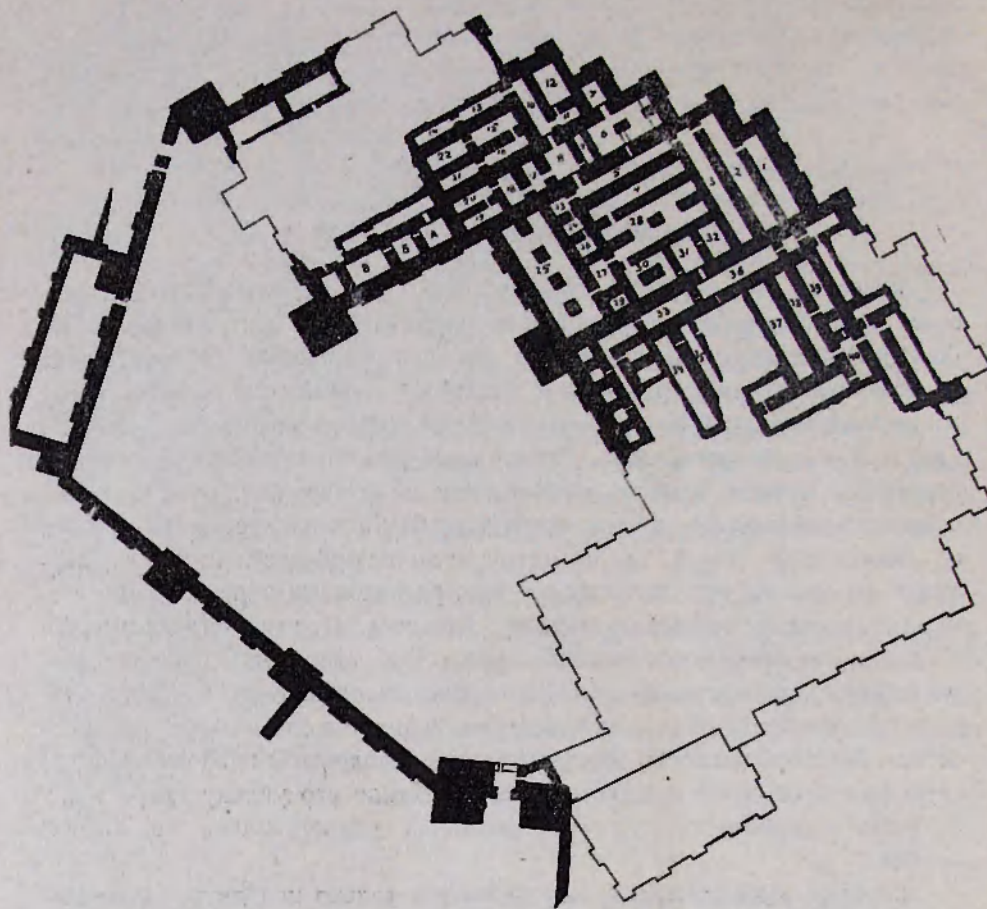

Рис. 1. Общий план цитадели, 1954 г.

довне, в которых хранились высокохудожественные бронзовые изделия с посвятельными надписями урартских царей VIII в. до н. э., так как во время осады цитадели они были растащены и спрятаны в различных кладовых хозяйственного назначения. Так, в одном из карасов кладовой № 25 оказались спрятанными 97 бронзовых чаш с надписями царей Менуа, Аргишти I, Сардури II и Русы I, в карасе кладовой № 28 лежал шлем Аргишти I, но особенно показательными в этом отношении оказались находки в помещениях № 34 и 36. В первом из них найдены великолепный щит Аргишти I, украшенный изображениями львов и быков, и железный меч с бронзовой рукояткой. Щит был явно спрятан, он был приставлен лицевой стороной к каменному фундаменту стены и, повидимому, сверху присыпан землей. На той стене, к которой он был прислонен, примерно посредине между местами находки щита и меча, красной краской на кирпиче 16 ряда снизу был обозначен крест. Возможно этот крест служил отметкой места, где были спрятаны эти ценные предметы вооружения. В помещении № 36 куча разных предметов была присыпана сверху зер-

ном и прикрыта ветками. То обстоятельство, что в хозяйственных кладовых во время осады цитадели были спрятаны ценные предметы, ежегодно обеспечивает экспедиции находки выдающихся памятников урартского прикладного искусства.

В северном отсеке цитадели в 1951 и 1952 гг. было раскопано три помещения, примыкающие к южной стене выступа и расположенные в ряд, к западу от помещения № 19.

Помещение А (дл. 6,35 м; шир. 6 м). В средней части помещения обнаружена группа железных изделий — пять наконечников копий, вилы, два тесла, серп и лопата. Отдельно лежали шесть железных и пять бронзовых урартских наконечников стрел со стержнем для насадки и девять втульчатых наконечников скифского типа (из них пять двугранных и четыре трехгранных). Эта находка лишний раз подтверждает предположение о том, что жители Тейшебаини, имевшие тесные связи со скифами, пользовались их стрелами.

Тут же были обнаружены бронзовые чешуйки пластинчатого панциря, лежавшие кучей. Чешуйки (дл. 3 см; шир. 1,5 см) имели в верхней части по три отверстия для нашивания на основу. Рядом с панцирем лежала корзина овальной формы, сплетенная из прутьев, в которой находилась грубая шерстяная ткань и одна бронзовая чаша.

В северо-западной части помещения была обнаружена стопка из 16 сильно разрушенных окисью бронзовых чаш. На семи из них удалось расчистить клинообразные надписи, расположенные по кругу в центре и иероглифические знаки — башенку с деревом и голову льва. Они принадлежали к той группе бронзовых чаш, которая была найдена в 1949 г. в кладовой № 25. Три чаши имели надписи царя Сардури II ($\text{ša}^m \text{SAR}_2\text{-du-ri}$), а четыре надписи Русы I ($\text{Ru-sa-a-i-ni-e}^{\text{biu}} \text{ri-iš-ju-si-e}$). На двух других чашах оказались иероглифические обозначения. На одной гладкой чаше вычеканена группа из семи знаков, а на другой, украшенной восьмью углублениями, группа из трех знаков. Следует отме-

Рис. 2. Бронзовые чешуйки панциря (пом. А).

тить, что подобное иероглифическое обозначение имеется на горле серебряного кувшина, обнаруженного в 1952 г. в помещении № 36. Среди чаш оказалась также фиала ассирийского типа (см. А. А. Мартиросян, Раскопки в Головино, табл. XXII) и бронзовый кубок

в форме стакана с двойным дном, украшенный ромбовидным узором и поясками с точечным орнаментом.

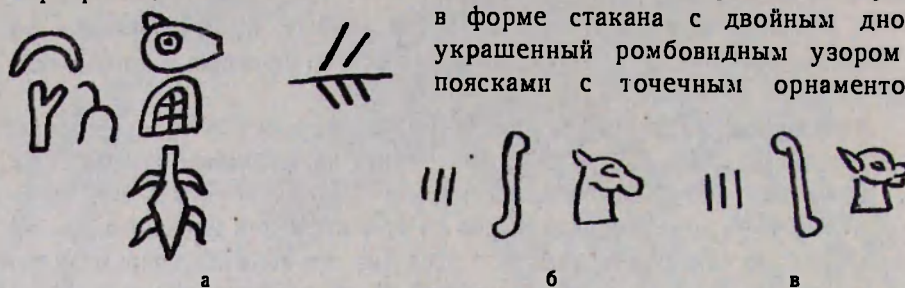

Рис. 3. Иероглифические знаки на бронзовых чашах из пом. А5 (а, б) и на серебряном кувшине из пом. № 36 (в).

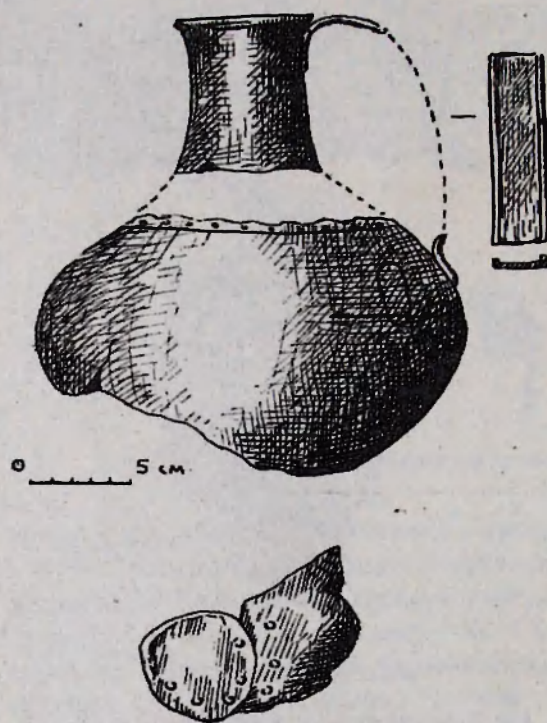

Рис. 4. Бронзовый кувшин (пом. А).

Большой интерес представляет найденный в этом же помещении бронзовый кувшин с одной ручкой, по форме повторяющий красные лощеные глиняные кувшины, найденные на Кармир-блуре в большом количестве. Глиняных сосудов в этом помещении было немного, обнаружено всего три образца: обломки черной лощеной чаши, горшок светлого цвета с тремя поясками семячкового орнамента и крупный сосуд удлиненной формы с тремя клеймами, часто встречающимися на Кармир-блуре (Урарту, рис. 44, клеймо справа). Эти клейма обычно ставились под ручками красных лощеных кувшинов. Обнару-

жение этого клейма на сосуде, совершенно иного типа, указывает на то, что в одной гончарной мастерской изготавливались различные сосуды!

Около двери в северной стене помещения была найдена часть бронзового запора — накидная петля, подобная той, на которой было вычеканено имя города Тейшебаини, а в самом дверном проеме обломки бронзового щита с клинообразной надписью Сардури, сына Аргишти. У северной же стены обнаружены обломки второго щита, посвященного,

как указывает надпись, царем Аргишти, сыном Менуа, городу Еребуни (Ирбуну).

(Раскопки А. П. Султан-Шах, 1951 г.).

Помещение Б (дл. 5,22 м; шир. 6 м) связано дверью с предыдущим. В обрушившихся сырцовых кирпичах верхних частей стен обнаружены: бронзовый наконечник стрелы скифского типа (в данном случае, повидимому, принадлежавший врагам, обстрелявшим крепость при штурме), два бронзовых гвоздя «зигати» и различные украшения, лежавшие кучей. Среди украшений оказалось девять крупных сардеровых бус, около пятидесяти бус из фаянса с серой глазурью, сильно обгорелые бусы из стекла и сердолика, лигнитовая пронизка, фаянсовая коническая пронизка и 62 раковины каури, входившие в ожерелье. В этой же группе украшений оказался обломок ассирийской (?) цилиндрической печати, с изображением человека, стреляющего из лука в цель, и круглый серебряный медальон (диам. 3,5 см) с изображением богини, сидящей на троне. Голова богини вычеканена на напаянной на медальон золотой пластинке. Над богиней изображение полумесяца и звезды. Перед сидящей богиней стоит женщина, держащая в левой руке за рога голову козла. Этот медальон очень напоминает золотой медальон тонкой работы, найденный на Топрах-кале в Ване. На нем изображена сидящая на троне богиня с веткой в руке и стоящая женщина.

В помещении № 36 был найден второй серебряный медальон, с изображением стоящего мужского божества, голова которого также вычеканена на припаянном тонком листке золота. Перед ним стоит мужская фигура, держащая жертвенного козла, в верхней части амулета неразличимое изображение, возможно крылатый солнечный диск. Иконографически фигура стоящего мужского божества совпадает с изображениями ассирийских божеств.

Рис. 5. Серебряный медальон (пом. Б).

Эти два серебряных медальона, найденных на Кармир-блуре, представляют несомненно большой интерес для изучения урартской религии.

(Раскопки А. П. Султан-Шах, 1952 г.).

Помещение В (дл. 10,1 м; шир. 6 м) — тупиковая комната, самая западная в рассматриваемом ряде помещений. Раскопки обнаружили хорошо сохранившиеся бревна и остатки потолочного перекрытия из камня и веток. В помещении никаких предметов найдено не было.

(Раскопки А. П. Султан-Шах, 1952 г.).

В северном отсеке центральной части было раскопано четыре помещения.

Помещение № 29 (дл. 5,1 м; шир. 3 м). Эта небольшая кладовая, выходящая в комнату № 27, находящуюся между двумя кладовыми для

вина, оказалась складом глиняной посуды. В ее восточной половине обнаружены красные лощеные кувшины с одной ручкой, тщательно уложенные в пять ярусов. Кувшинов было 1036 штук, причем многие из них вынуты совершенно целыми. Кувшины были разных размеров (высота от 13 до 31 см) и емкость их колебалась от 0,45 до 7 литров. Сложенные кувшины, так же как и остальная посуда, не были еще в употреблении. Кроме того, в кладовой обнаружено 55 плоских мисок, одна глубокая чаша (выс. 16,5 см, диам. 34 см), 6 крупных сосудов, 9 бокалов и 40 светильников, также без следов употребления. Три из этих светильников были необычной формы и имели петельчатую ручку на противоположном носику крае. Перегородка, отделявшая резервуар для масла от горящего фитиля, была различных форм, прямая или выпнутая дугой, с двумя или тремя отверстиями. У четырех светильников перегородка делила чашу на две почти что равные части.

В западной части комнаты обнаружены обломки железного акинака, бронзовая чашка и бронзовые обоймы кожаного колчана.

Без сомнения эта кладовая являлась подсобной к двум большим винным погребам (№ 25 и 28), хранившим около 150 тысяч литров вина. Количество кувшинов соответствовало количеству залитого в карасы вина, а глиняные светильники должны были освещать темные помещения погребов.

Следует отметить, что кувшины имеют ярко выраженную одинаковую форму и несомненно вышли если не из рук одного мастера, то из одной гончарной мастерской. Они по форме резко отличаются от тех кувшинов, которые были обнаружены в 1953 г. в другом складе посуды, связанном с кладовыми для вина южного отсека центральной части цитадели.

(Раскопки А. П. Султан-Шах, 1951 г.).

Помещение № 30 (дл. 11,4 м; шир. 7,6 м). Это помещение, связанное шириной дверью с кладовой № 28, имело в центре массивный столб, сложенный из сырцовых кирпичей. Очень возможно, что через это помещение спускались из верхнего этажа в нижний по пандусу, который огибал этот столб с восточной и северной сторон и подходил к двери в кладовую № 28. Эта линия уклона пандуса отчетливо была видна на стенах столба. Около входа на пандус имеется площадка, устроенная непосредственно на восточной стене помещения, вследствие этого стенку второго этажа пришлось возводить с пола соседнего помещения (№ 31).

В северной части помещения, примерно на уровне пандуса, был обнаружен небольшой красный лощеный сосуд и базальтовое блюдо (диам. 55 см; выс. 12 см). Это блюдо поражает точностью формы и качеством обработки твердого камня.

В юго-западном углу помещения найдено большое количество совершенно разрушенных железных предметов. Среди них крупные куски ромбической формы (дл. около 35 см) со сквозным круглым отверстием в средней части. В этих предметах можно видеть заготовки металла — бруски железа, которые связывались веревками для удобства транспортировки. Там же найдено два куса яркосиней краски, которым придана

форма продолговатых комков, подобных найденным в кувшине из кладовой № 28. Эта находка заставляет нас пересмотреть прежнее определение комков из кладовой № 28 как терок (КБ, II, стр. 32) и видеть в них краску, замешанную на глине. В южной части помещения обнаружен красный лощеный кувшин с одной ручкой и бронзовая рукоятка (?) кинжала в виде головы грифона.

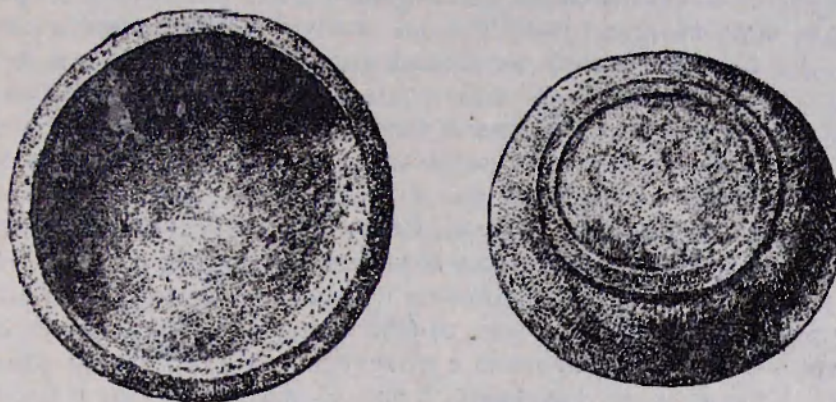

Рис. 6. Базальтовое блюдо (пом. № 30).

(Раскопки З. М. Касабяна, 1951 г.).

Помещение № 31 (дл. 7,71 м; шир. 6,05 м). Из этой комнаты имеется проход в южный отсек центральной части цитадели. К западной стене помещения пристроена добавочная, небрежно сложенная стена из сырцовых кирпичей, возвышающаяся над первым этажом. Около этой стены обнаружено большое количество сильно обгорелых костей быков, лошадей и ослов (определение С. К. Даля). Находок незначительное количество: красный лощеный кувшин с одной ручкой и два вырезанных из рога наконечника, украшенных резьбой.

(Раскопки Г. М. Бартияна, 1951 г.).

Помещение № 32 (дл. 7,7 м; шир. 5,15 м). Комната забутована камнем. В верхнем слое найдены две медные монеты атабека Кизил-Арслана (XII в.) Назначение забутовки остается неясным, повидимому распланированные и выстроенные уже помещения забивали камнями для того, чтобы получить площадку на втором этаже.

(Раскопки Г. М. Бартияна, 1951 г.).

Основная работа в 1951—1953 гг. протекала в южном отсеке центральной части цитадели.

Здесь, у западной стены, было открыто помещение, в котором находились крупные сосуды для зерна. Все сосуды оказались разбитыми. От этого помещения, под углом, отходил узкий коридор с пандусом, спускающимся к южной части, по сторонам которого были устроены кладовые; с правой стороны небольшие, четырехугольные, в виде колодцев, а слева более просторные, прямоугольной формы. Раскопано пять маленьких кладовых и две прямоугольные (раскопки А. Мартиросяна, А. Ба-

баян, Р. Бучахчян, 1951—1952 гг.). Колодцеобразные кладовки были предназначены для зерна, в некоторых из них на полу были найдены остатки ячменя и пшеницы. В кладовых северной части коридора вход, соответственно уклону пандуса, находился на большой высоте от пола и они, в полном смысле слова, представляли собою колодцеобразные закрома. В пятой из этих кладовых была сделана интересная находка. На полу пустой кладовой, около юго-восточного угла, недалеко от дверного проема, была найдена глиняная булла, запечатывавшая дверь в кладовую. Эта булла скрепляла две веревки, перевязывавшие дверь, и на ней оттиснуты печати двух лиц. Одна печать урартского типа — столбчатая с круглым оттиском, другая печать ассирийского типа — цилиндрическая с изображениями и урартской надписью в поясках, ограничивающих изображения сверху и снизу (см. рис. 7). Кладовые с левой стороны коридора были также пустые, но во второй из них, около рухнувших балок перекрытия, обнаружено большое количество предметов.

Среди многочисленных обломков глиняных сосудов обращают на себя внимание: кусок края чаши со скульптурной головкой барана, днище красного лощеного кувшина с оттиснутым на нем клеймом обычного для Кармир-блур типа (Урарту, рис. 44, клеймо справа) и местный закавказский кувшин с ручкой, украшенной вдавленными треугольниками и с узором на туловище, выполненным лощением.

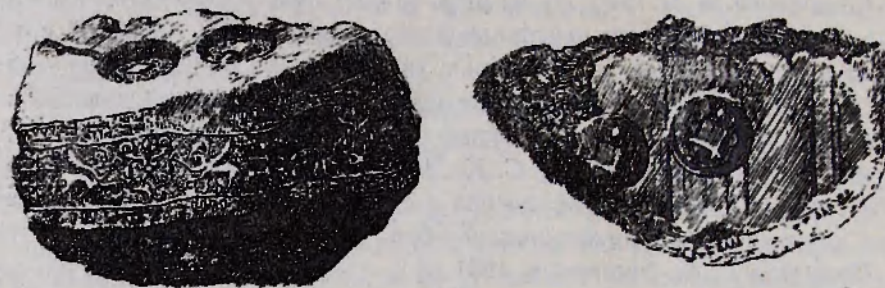

Рис. 7. Булла из кладовой для зерна.

Тут же были найдены разнообразные бусы (27 дисковидных, вырезанных из раковины, 3 из прозрачного стекла, 5 из черного стекла, 2 сердоликовые, одна плоская фаянсовая, с желтыми глазками и черными кружками, 7 раковин каури). Среди бус находилась урартская гиревидная печать из жировика с вырезанными изображениями на боковой и нижней гранях. Тут же находилась маленькая бронзовая фигурка птицы и фибула.

Кроме указанных предметов, следует еще отметить железный серп, кривой нож, оселок точильного камня, обломки железного браслета и железной фибулы.

Повидимому, все эти предметы попали в кладовую из верхнего этажа, вместе с рухнувшим перекрытием.

Помещение № 33 (дл. 14 м; шир. 3,55 м) представляло собою большую проходную кладовую с дверьми в торцовых, западной и восточной стенах. В западной ее части, непосредственно у двери, находилось восемь крупных карасов, которые, в отличие от карасов винных кладовых, были не вкопаны в земляной пол, а установлены на полу, вследствие этого семь карасов были разбиты на мелкие куски рухнувшим перекрытием, сохранился только один карас, отличающийся по форме от карасов кладовых №№ 25 и 28. Его туловище было украшено четырьмя рядами углублений, верхним, состоящим из полукругов, и тремя рядами прямоугольных углублений. На горловине были вырезаны иероглифические обозначения, аналогии которым пока неизвестны.

Около карасов лежали куски серы, указывающие на то, что в урартское время уже применялось окуривание карасов серой.

На полу кладовой обнаружены зерна ячменя и нута. В западной части кладовой найдены плохо сохранившиеся обломки бронзового щита

с клинообразной надписью, содержащей имя царя Сардури.

(Раскопки А. А. Мартиросяна, 1951 г.).

Помещение № 34 (дл. 25,3 м; шир. 4,1). Это была крупная тупиковая кладовая центральной части цитадели. В верхних слоях обнаружено много материала, относящегося к средневековью — тондыри с каменными крышками, жерновов, обломки поливной кера-

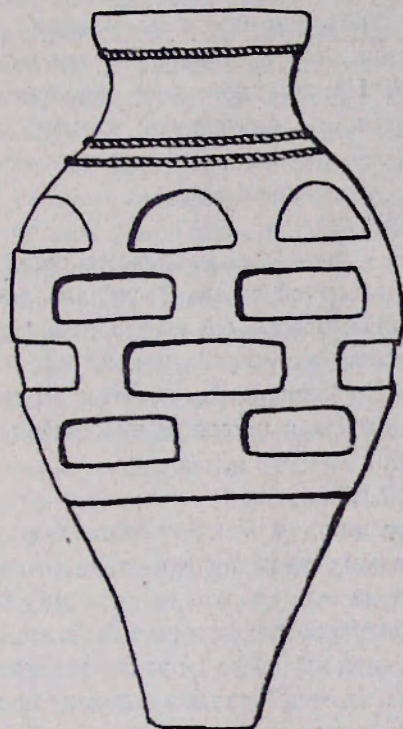

Рис. 8. Карас из кладовой № 33

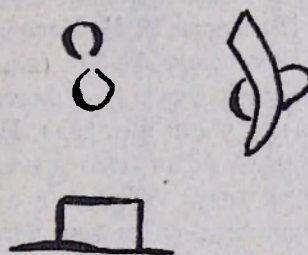

Рис. 8а. Иероглифическая отметка на карасе из кл. № 33.

мики и две медные монеты, одна арабская IX в., а другая с именем Ильдегиза.

В кладовой обнаружены сильно разрушенные железные орудия и 170 штук железных грузил, нанизанных на веревку, остатки которой сохранились.

На полу помещения, в средней его части, найдены обломки сосудов с пшеницей, куча сухих плодов слив, алычи, косточки винограда и дольки яблок, указывающие на то, что тут хранились сухие фрукты (определение

А. М. Вермишян). Укажу, что при исследовании останца в кладовой № 15 на деревянном блюде были обнаружены остатки пресованного изюма-кишмиша (определение С. А. Погосяна).

В южной части кладовой лежала крупная зернотерка (дл. 55 см; ширина 30 см) с верхним камнем (дл. 30 см), около которой стояли глиняные сосуды и среди них чаша в форме трилистника. Тут же были обнаружены крупные железные вилы (дл. 62 см), две железные лопаты, железная лопатка (дл. 48 см) с длинной ручкой, заканчивающейся крючком для подвешивания, три круглых в сечении прута (дл. 24 см) с раскованным одним концом, в отверстия которого были продеты кольца. Среди кучи обломков бронзовых и железных предметов обнаружена фаянсовая пронизка в виде фигуры лежащего бычка с подогнутыми ногами.

Наиболее интересными и ценными находками в этой кладовой были бронзовый щит с надписью царя Аргишти, сына Менуа, украшенный изображениями львов и быков, и железный меч с бронзовой рукояткой. Оба эти предмета были найдены в средней части кладовой, непосредственно у западной стены. Щит был поставлен вертикально, около каменного цоколя, лицевой стороной к стене. Повидимому, оба эти предмета, щит и меч, были присыпаны землей. На западной стене около места обнаружения щита и меча был замечен крест, нанесенный красной краской на одном из кирпичей 16 ряда снизу. Возможно, что он служил отметкой, указывающей, где были спрятаны ценные предметы.

(Раскопки С. Есаяна, 1951—1952 гг.).

Помещение № 35 (дл. 25,3 м; шир. 3 м) представляло собою узкий коридор с двумя дверьми в северной части. Раскопана лишь половина этого коридора. В нем найдены: бронзовый трехгранный втульчатый наконечник стрелы скифского типа, железный наконечник стрелы со стержнем для насадки, на котором сохранились остатки деревянного древка и два небольших глиняных сосуда с широким туловищем. В помещении найден также череп лошади.

(Раскопки З. М. Касабяна, 1952 г.).

Помещение № 36 (дл. 22,05 м; шир. 4,07 м) представляет собою проходную комнату с шестью дверями, связывающую два отсека центральной части цитадели. Несмотря на это, раскопки помещения дали громадное количество предметов, большинство которых было найдено в средней части комнаты в куче, засыпанной сверху пшеницей и заваленной ветками, вследствие чего многие из вещей сильно пострадали от огня.

По сторонам этой кучи, по оси помещения, лежали два бронзовых щита с посвятельными надписями царя Аргишти, сына Менуа.

В помещении найдено большое количество железных предметов — наконечник копья, три серпа, пять тесел, десять наконечников стрел. Очень интересна железная пила (длиной в 37 см), лучкового типа, с сохранившимися на концах заклепками, закреплявшими рукоятку.

Россыпью лежали также бронзовые наконечники стрел, шестнадцать урартского и пять скифского типов. На одной из наконечников первого типа в двух строках была вычеканена посвятельная надпись Аргишти I.

Тут же лежала небольшая (диам. 5,5 см) гематитовая булава, при-

плюснута-шаровидной формы, дополнившая наши знания об урартском вооружении. На статуэтке бога Тейшебы, в его руке, представлена булава иного типа, скорее, дисковидная.

Найдено двадцать брусков точильных камней, некоторые с бронзовыми кольцами для подвешивания и отдельные бронзовые предметы (бокалы с узорами, вставленные друг в друга, наконечник нижней части ножен меча). Отдельной кучей лежали бронзовые части двух комплектов конского убора с клинообразными надписями царя Менуа. Одни бронзовые удила сохранились отлично, а вторые были сильно повреждены. Кроме удили в наборе обнаружены две налобные пластины, три круглые бляхи без орнамента, пять круглых блях с тремя концентрическими полосами, украшенными точечным орнаментом (на оборотной их стороне оказались остатки ниток с нанизанными бусами из бисера), восемь средних бляшек с полушаровидной средней частью, шесть мелких бляшек и четыре бронзовых колокольчика.

Рядом с предметами конского убора лежала тщательно сложенная группа вещей, представлявших большую материальную ценность. В нее входили шесть бронзовых колчанов, пять из которых были заполнены хорошо сохранившимися стрелами из дерева и тростника с железными наконечниками, а один имел стрелы с бронзовыми наконечниками, причем на трех из них были вычеканены посвятельные надписи царя Сардури. К сожалению, железные наконечники сильно разрушили бронзовые части колчанов и прочесть надписи у их верхних бортов не представилось возможным.

Под колчанами лежала корзина с двумя планками из кости, богато украшенными резным орнаментом, деревянные прутья корзины были украшены маленькими скульптурными головками львов, вырезанными из рога, из которых сохранилась лишь одна штука. Около колчанов лежал бронзовый пластинчатый панцырь, который, судя по надписям на крупных пуговицах, принадлежал царю Аргишти I. Этот замечательный панцырь подробно опи-

Рис. 9. Костяные пластины с орнаментом (пом. № 36).

сан ниже. Под ним обнаружены остатки парадного кафтана, украшенного вытканым узором и мелкими бронзовыми бляшками.

Между описанными предметами россыпью лежали бусы, подвески печати и различные украшения. Бус оказалось громадное количество, при большом разнообразии, их описанию посвящена отдельная глава настоящего отчета, там же описаны любопытные подвески и амулеты-печати.

Рис. 10. Головка льва, вырезанная из рога (пом. № 36).

Среди бус найден серебряный дисковидный медальон (диам. 5 см) с изображением мужского божества, золотая серьга, мелкие золотые полусферические пуговицы для нашивания, серебряная булава с тремя фигурками животных в верхней части, аналогичная найденной в районе Армавирского холма (Исторический музей Академии наук Армянской ССР), костяная булава, мелкие бронзовые фибулы и браслеты, три из которых были завернуты в тряпку. Тут же оказался сегмент золотого дисковидного слитка (вес 14,85 г). На нем отчетливо заметны следы отметок, нанесенных перед его рассечением.

Рис. 11. Серебряный медальон (пом. № 36).

Рис. 12. Серебряная булава (пом. № 36).

Очевидно эти драгоценные предметы были поделены между отдельными людьми, чем и объясняется находка одной серьги и разрубленного слитка золота.

Немного поодаль от описанной группы предметов лежал бронзовый шлем, совершенно разрушенный окисью, принадлежавший к группе высокохудожественных царских шлемов. Он был украшен изображениями богов перед священными деревьями, боевых колесниц и всадников. К сожалению, сохранность его была настолько плохой, что не удалось прочесть имени царя в посвятельной надписи у нижнего края шлема.

Отдельно лежал также серебряный кувшин (выс. 25 см) с одной ручкой, украшенной орнаментами в верхней и нижней своей части. На горле кувшина были нанесены три иероглифических знака, совпадающие со знаками на одной из бронзовых чаш, на что указывалось выше. Около кувшина кучкой лежали мелкие бусы. Кроме описанных предметов в

помещении № 36 были обнаружены небольшие сосуды разнообразных форм (кувшинчики без ручек, плоская чаша, горшочек с ручкой и носиком для сливания жидкости), керамические диски, слиток бронзы, бронзовые колечки и гвозди, крючки из рога со сквозными отверстиями, служившие, повидимому, узловязателями.

Рис. 13. Серебряный кувшин (пом. № 36).

Таким образом, раскопки этого помещения дали большое количество предметов, уточняющих наши представления о материальной культуре урартов.

(Раскопки А. А. Мартиросяна и Г. М. Бартикяна, 1952 г.).

Помещение № 37 (дл. 25,3 м; шир. 4,63 м). В заполнении комнаты встречено большое количество чисто отесанных базальтовых блоков от карниза, украшавшего верхние части стен цитадели.

В северной части обнаружен жолоб для отвода воды, продолжавшийся и в помещениях №№ 38 и 39.

Громадная тупиковая комната оказалась почти пустой. Лишь в южной ее части обнаружено большое скопление сильно разрушенных железных предметов (четыре кривых ножа, два тесла, массивный топор-колун и множество бесформенных обломков других изделий).

Отдельной кучкой лежали бронзовые предметы: небольшой бронзовый сосудик с мелкими слитками меди, слиток бронзы, ручка бронзового сосуда, украшенная головкой животного с поднятыми ушами. Это второй случай находки на Кармир-блуре подобных ручек, широко распространенных в центральной части Кавказа (КБ, 1, стр. 92, рис. 60). Этот экземпляр ручки оказался внутри полым.

Неподалеку от этих предметов, также в южной части помещения, был обнаружен бронзовый шлем, с рельефным знаком, аналогичным знаку на шлеме из помещения № 24 (КБ, 1, рис. 38), с той только разницей, что верхняя полоса отделялась от нижней части знака. На борту у нижнего края шлема посвятельная надпись царя Аргишти, сына Менау.

(Раскопки А. А. Мартиросяна и Г. А. Тирацяна, 1953 г.).

Помещение № 38 (дл. 25,3 м; шир. 3,55 м). Длинная проходная комната, с двумя широкими дверьми в северной стене и в юго-восточном углу. В юго-западном углу был установлен один карас, с отметкой иероглифами 6 акарки и со знаком, похожим на знак, вырезанный на карасе № 26 из кладовой № 28.

В верхнем слое помещения было обнаружено большое количество предметов, провалившихся с обрушенным перекрытием из верхнего этажа — различные бронзовые бляхи, бронзовая чаша, бронзовые браслеты и фибула, сердоликовые бусы, железный кривой нож и глиняный кувшин без ручки, в который был вставлен глиняный стакан с широким растробом. В верхнем же слое обнаружены чешуйки железного пластинчатого панцыря и акинак скифского типа.

В груде обвалившихся сырцовых кирпичей верхней части стены обнаружена небольшая золотая серьга, украшенная напаянной перевитой проволочкой, составляющей узор из кружков и ромбов.

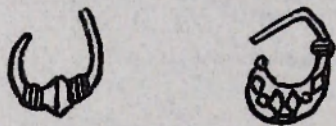

Рис. 14. Золотые серьги из пом. №№ 36 и 38.

Найдены обломки бронзовой пластины, украшенной узором, передающим волосы или гриву льва. В верхней части пластины сквозные отверстия, внизу отогнутый борт также с отверстиями.

Борт украшен орнаментом из бутонов, который встречен на щитах с изображением львов и быков. Судя по выгибу пластины, она могла служить частью шлема, закрывающей шею.

В помещении было найдено большое количество глиняных сосудов различных форм — красные лощеные кувшины и чаши, характерные для урартской керамики, сосуды удлиненной формы для зерна, горшок черного цвета со штампованным узором в виде зигзагов и закавказские кувшины с ручками, украшенными треугольными углублениями. В этом наборе керамики особый интерес представляет сочетание урартских сосудов с местными закавказскими.

В средней части помещения, на полу, был обнаружен замечательный бронзовый щит с надписью Сардури II, украшенный изображениями

львов и быков. Щит лежал лицевой стороной вниз, края его были обломаны при обрушении перекрытия.

В восточной стене помещения имелись две двери, одна вела в кладовую глиняных сосудов (№ 39), а другая в кладовую для вина (№ 40). (Раскопки З. М. Касабяна и Г. М. Бартияна, 1953 г.).

Помещение № 39 (дл. 13,85 м; шир. 4,1 м). Тупиковая комната, служившая складом глиняных сосудов, которые были установлены в северной ее части. Около жолоба, проходившего поперек комнаты, обнаружено: 57 красных лощеных кувшинов с одной ручкой, 102 плоские миски различных форм, 16 бокалов, 3 светильника, 2 курильницы (аналогичные найденным в кладовых №№ 25 и 28), 2 крупных удлиненных сосуда для зерна и красный лощеный сосуд без ручек. Большинство сосудов было разбито. Обращает на себя внимание отличие форм сосудов в этом складе от сосудов в помещении № 29. Красные кувшины более шаровидны, ручка имеет больший выгиб, горловина ниже, у бокалов широкий раструб в верхней части, которого нет у бокалов из помещения № 29, светильники крупнее и более глубокие. Нет сомнения в том, что сосуды, найденные в двух кладовых, происходят из различных гончарных мастерских. В отличие от кладовой № 29, в кладовой № 39 были сложены уже не раз использованные сосуды, на чашах имеются вырезанные знаки, на ручках красных глиняных кувшинов вырезаны обозначения количества залитой жидкости. Сосуды были составлены кучей, а не уложены ярусами, вследствие этого большинство их дошло разбитыми. Около жолоба был найден обломок фигурного фаянсового сосуда, изображавшего сидящую женщину. Сохранилась лишь голова фигурки и верхняя часть туловища (выс. 3,8 см). На голове низкая шапочка, волосы подстрижены у шеи. Головной убор использован как горлышко сосуда, на спине петля для подвешивания. Вся фигурка покрыта цветной поливой. Этот уникальный предмет является интересным образцом урартских фигурных фаянсовых изделий. Ассирийские фигурные сосуды, покрытые цветной поливой, известны по материалам из раскопок Ашура. Не меньший интерес представляет найденное тут же горлышко темного стеклянного сосуда, украшенного белыми зигзагообразными горизонтально расположенными линиями и кружками (высота сохранившейся части 3,5 см).

Рис. 15. Фаянсовый фигурный сосуд (пом. № 39).

В кладовой обнаружены также обломки закавказских глиняных сосудов и бронзовый двуперый наконечник стрелы скифского типа. При раскопках были найдены остатки сгоревшего человеческого скелета, причем в несгоревшей правой височной части черепа было обнаружено полушарие мозга, сохранившее свою форму. Эта интересная находка была

в целях консервации пропитана бутваром. Таким образом, в этой части цитадели, наиболее удаленной от боковых ворот, через которые был произведен штурм крепости, встречаются уже остатки людей, погибших при пожаре.

(Раскопки З. М. Касабяна, 1953 г.).

Помещение № 40 (дл. 10,78 м; шир. 4,14 м). Эта небольшая кладовая была предназначена для хранения вина. Она имела четыре двери, две в западной стене, одну в восточной и одну в северной. Широкие двери в восточной и западной стенах вели также в кладовые для вина. Обнаружено двадцать карасов, вкопанных в земляной пол тремя рядами по длине комнаты. Большинство карасов имело иероглифические обозначения емкости, от 5 акарки 1 теруси до 3 акарки 5 теруси. На одном целом карасе, в сев.-вост. углу, обозначение отсутствовало, а на пяти разбитых не было обнаружено. Возможно не все карасы имели отметки емкости. Всего в этой кладовой хранилось около 20 тысяч литров вина. В момент гибели кладовой в карасах еще находилось вино, на что указывает темный цвет стенок нижних частей карасов и характерная окраска грунта заполнения этих частей, исследованного в Институте виноделия и виноградарства Министерства пищевой промышленности Армянской ССР. В кладовых №№ 25 и 28 карасы в момент гибели крепости были порожними.

Лишь в четырех карасах кладовой № 40 оказались находки: в карасе № 8 — бронзовый браслет, а в карасах №№ 17, 18 и 19 (в северной части кладовой) куски золотой листовой обкладки фигурки льва. Сохранился обломок листа, обтягивавший голову зверя, с широко раскрытой пастью. В лобной части была вставлена ярко-голубая бусина. Имеются также пластинки с изображением гривы и пластинки от частей туловища. Трудно объяснить находку этих золотых обломков в карасах с вином. Несомненно, в карасы бросались лишь кусочки золота, без деревянных частей предмета, и бросались они, когда в карасах было еще вино, так как все кусочки обнаружены на самом дне, в конусе сосуда. Невольно возникает предположение о существовании древнего обычая бросать в вино золото, который пока что не удается подкрепить этнографическим и археологическим материалом.

В кладовой, около карасов, было найдено несколько глиняных сосудов-кувшинов с ручкой, бокал, плоская чашка, сосуд для зерна, обломки светильника.

И в этом помещении были обнаружены остатки сгоревших скелетов людей, погибших при пожаре. Из заполнения верхних частей двух карасов были извлечены кости одного скелета, что указывает на то, что этот скелет попал в кладовую вместе с обрушившимся перекрытием. В верхнем слое помещения найдены железные чешуйки пластинчатого панцыря, отличающиеся по форме от найденных в помещении № 38.

(Раскопки Г. М. Бартикяна, 1953 г.).

Исследования центральной части цитадели обнаружили и там большое число помещений хозяйственного назначения — закрома для зерна,

винные погреба, весьма крупные по своим размерам. Уже зафиксировано хранение около 170 тысяч литров вина, но широкие двери, ведущие в еще нераскопанные помещения, указывают на то, что раскопки откроют еще несколько кладовых с карасами для вина. По материалам раскопок цитадель города Тейшебы все явственнее выступает как крупнейший хозяйственный центр.

* * *

В 1954 году продолжались раскопки в центральной части цитадели. Были раскопаны три кладовые для вина (№№ 41, 43, 44), примыкавшие и связанные с кладовой № 40. В первой из них было открыто 45 карасов, во второй 32 караса, третья же кладовая была разрушена и перерыта еще в средние века, но судя по тому, что она по размерам совпадала со второй, можно предположить, что в ней было также не меньше 30 карасов. На сосудах имелись цифровые обозначения, выполненные как клинописью, так и иероглифами, причем клинопись наносилась поверх иероглифического, иногда затертого текста. В ранее раскопанных кладовых (№№ 25, 27 и 40) на каждом сосуде было по одной отметке, что давало основание видеть в них отметку вместимости сосудов. В кладовых 41 и 43, на некоторых карасах имеется по три различных обозначения. Поэтому более вероятным является предположение о том, что обозначения на карасах отмечали количество залитого в них вина, что до некоторой степени соответствовало их емкости.

Кладовые, исследованные в 1954 г., носят следы долговременной жизни, причем были установлены случаи замены старых негодных карасов новыми. Старый карас не удалялся целиком, в земляном полу оставалась его нижняя часть, в которую вставлялся новый, заменивший его карас.

В кладовой № 41 было обнаружено большое количество бронзовых частей конских уборов с надписями царей Аргишти I и Сардури II, а также несколько крупных бронзовых сосудов.

В кладовой № 43 и в прилегающем к ней помещении (№ 44) были обнаружены сильно обгорелые остатки костяков людей, погибших во время штурма крепости, при которых оказались отдельные предметы (сердоликовые бусы, золотой браслет, пряжки из ропа в форме птичьих головок и др.).